

ЛЮДИКА
ПРЕДОГРЯНОВ

2000-е: КРИМИНАЛЬНЫЙ РУБЕЖ

КТО УБИЛ

Волика Либера?

Вольф Вольфович Либерман — финансовый гений, один из богатейших людей России и редкостный мерзавец, безжалостно унижающий всех, даже самых близких ему людей. Многие мечтают убить Либермана — и вот финансиста находят мёртвым в его роскошном имении. Подозрение падает на его жену, Аллу Либерман, которая, как убеждены окружающие, ненавидела мужа-тирана. Но убийство Вольфа Вольфовича Либермана готовили очень серьёзные люди, они умело спрятали концы в воду... Полковник ФСБ Валентин Бардар должен узнать, кто же на самом деле убил Волика Либера.

Людмил Федогранов

КТО УБИЛ ВОЛИКА ЛИБЕРА?

*ИГОРЮ
КОСТАНТИНОВИЧУ
ПАНИНУ -*

*умнице и
жизнелюбу, родному
николаевскому
«прощельге» с огромной
благодарностью за всё, с
пожеланиями счастья и
удачи в жизни.*

АВТОР

ПРОЛОГ

«... Конец марта, мерзейший мокрый снег, который не падает с неба, а валится, превращая весь мир в сплошную снежную кашу, поглощающую человека целиком и вызывающую суеверный ужас: а есть ли вообще на Земле ещё что-то, кроме этой грязно-серой, густо облепляющей тебя мерзости?...

Есть ли ещё солнце, тепло, да просто белый свет, наконец?!

В такую погоду ненавидишь всех и вся,

хочется если и не умереть, то уж заснуть точно — чтобы проснуться в другом, светлом и тёплом, добром мире. Который тоже мог бы быть в конце марта в южной Одессе, но вот надо же случиться этому запоздалому снегопаду...

А если такой день для человека — последний в жизни? И последнее, что он видит и запоминает (а это запоминается, или оно исчезает вместе с последним вздохом?...), — это промозглый мартовский снегопад?

Интересно, для человека, знающего, что он — уходит, даже такой день — счастье? Даже такая погода — радость?

Или же он даже рад тому, что уходит, потому что там, впереди, всё может быть совсем по-другому, а здесь...»

— Ну ты и идиот, Валюша! — громко сказал сам себе полковник Валентин Бардар, отрываясь от безрадостных размышлений о мартовском снеге и последних днях жизни, которые невесть как овладели его почти совершенным мыслительным аппаратом «технаря-одиночки», как называла его иногда Светлана. — Дебил из дебилов, — уже тише, но по-прежнему убеждённо, произнёс он после минутной паузы.

Вероятно, основания для подобной оценки своих умственных способностей у Валентина имелись: сегодня было шестое июля, от марта и до

марта было уже и ещё далеко, день стоял по-летнему жаркий и никакого снега на том участке земной территории, на котором находились Москва и Московская область, не предвиделось.

Даже теоретически.

А уж мысли о смерти...

Тридцатидвухлетний полковник Бардар находился в отличной физической форме, давление семьдесят пять на сто двадцать и все такое прочее; не отягощённый более или менее вредными привычками, отлично тренированный и привыкший к большим физическим и психологическим нагрузкам организм обещал, как принято говорить, «долгие годы жизни» — если, конечно, не произойдут какие-либо профессиональные... неприятности, чреватые... Да мало ли чем может быть чревата профессиональная деятельность полковника ФСБ, специализирующегося на выполнении... деликатных поручений высшего руководства страны и получающего при этом практически не ограниченные полномочия?...

Наконец, мысли о смерти именно сейчас были просто нелепы ещё и потому, что сегодня, в пятницу, начинался краткосрочный отпуск полковника, который он намеревался провести так, как никогда до этого не проводил нечастые свои отпуска.

Сегодня вечером Валентин Бардар должен

был встретить самолёт, который должен был прилететь из города-героя Одессы и в котором должна была находиться самая лучшая женщина на свете — его Света. Она прилетала на неделю, и эту неделю они будут вместе!

Конечно, лететь в начале июля из Одессы в Москву для того, чтобы любящие друг друга люди, имеющие неделю свободного времени, могли провести эту неделю вместе, было несколько... нетрадиционно, что ли.

В обратном направлении — пожалуйста, из каменных джунглей «Третьего Рима» к «самому синему в мире» Чёрному морю — что может быть приятнее и естественнее?!

Но Светлана, коренная одесситка, ещё весной обмолвилась, что она мечтает пожить в лесу. «Как Олеся Куприна», — пояснила студентка-заочница филфака Валентину, который до их встречи досконально, от корки до корки, изучил пятитомное собрание сочинений любимого ещё со школы Булгакова и не стремился к расширению круга своих читательских интересов.

До их со Светланой встречи так и было, но после слов девушки «Олеся» была внимательно прочитана полковником Бардаром, который за недолгие к тому времени недели знакомства успел убедиться, что если «радость моя» (так, несколько высокопарно, он называл Свету, и эти, в общем-то

затасканные, слова произносились им так обезоруживающе нежно, что...) о чём-то говорит, то слушать нужно внимательно и выводы делать сразу же...

Сейчас Валентин с нетерпением ждал вечера, потому что сразу же из аэропорта он собирался отвезти Светлану «в лес». Этот «лес» был подмосковным сосновым бором, в котором находилась очень даже и добротная дача Александра Владимировича Воеводина, бывшего школьного учителя математики, а ныне преуспевающего «рантье», как он сам себя называл, у которого когда-то давно учился Валя Бардар и которому он совсем недавно сумел помочь в разрешении проблемы, изначально выглядевшей неразрешимой.

Если называть вещи своими именами, просто констатировать факты, то Валя спас жизнь Александру Владимировичу, а такие вещи не забываются, поэтому Воеводин искал возможность, чтобы отблагодарить своего бывшего ученика, и приглашение пожить неделю на даче, которое Валентин с благодарностью принял, могло, как полагал бывший учитель математики, стать первым шагом, способом узнать, что именно можно сделать для Валентина в знак благодарности — не деньги же ему предлагать, в самом-то деле!

Денег у Воеводина было больше чем

достаточно, но заикнуться об этом в разговоре с Валеј...

Валентин уже бывал на даче у Воеводина — именно там проводилось задержание преступников —, и ему очень понравился этот густой сосновый бор, в котором «новые русские» сооружали свои дачи-дворцы. Аккуратно, нужно сказать, сооружали, с большой любовью к природе — ведь дешевле сохранить на дачном участке столетнюю сосну, чем окультурировать потом этот же участок посредством дорогостоящих садово-парково-огородных работ... Поэтому «мужики» и не рубили, и не губили, а ощущение у человека, попадавшего в этот дачный посёлок для очень и очень избранных, было такое, словно он оказался в детской сказке — избушки вырастали прямо среди сосен, того и гляди из металлопластикового окошка современные Баба-Яга с Кощеем выглянут.

Чтобы поинтересоваться, что за народ мельтешит...

Встречу со Светланой Валентин считал самой большой удачей в своей в общем-то небедной на удачи жизни. Трагические обстоятельства, на фоне которых произошло их знакомство, когда Вале не хватило какого-то мгновения и каких-то нескольких сантиметров, чтобы предотвратить самоубийство Александра Завалько, те отношения, которые

связывали Светлану и погибшего у неё на глазах Александра, наконец, то, неведомое ему доселе чувство, которое вызвал в душе Валентина вид истерически рыдающей Светланы, — всё это позднее много раз прокручивалось в голове полковника Бардара, жёсткого профессионала, умеющего в своей нелёгкой, напрочь лишённой романтики и бесконечно грязной работе то, что мало кто в ней умел делать.

И каждый раз при этом атеист Валентин Бардар благодарил Бога за то, что он послал ему эту удивительную девушку — Светлану...

Полковник Бардар не был и не мог быть сентиментальным человеком, но его отношение к Светлане было настолько нежным, что со стороны он мог показаться полупридурком, восторженно вззирающим пусть и на очень красивую, но всё же достаточно заурядную в этой своей красоте девушку.

Просто он так и не смог по-настоящему поверить в то, что Светлана его любит, то есть поверить-то он поверил, потому что настоящую любовь нельзя не чувствовать, но... не привык, что ли?...

А может, так к нему, чуду любви, и нужно относиться, не привыкая к тому, что человек, которого до какого-то мгновения в твоей жизни не было вообще, вдруг становится сутью этой жизни, и

без него всё остальное — всего лишь «способ существования белкового тела» — застряла же в памяти у Вали Бардара такая идиотская формулировка?...

Может, только тогда, когда каждое мгновение жизни человек будет ощущать любовь, беречь её, страшиться того, что это чувство исчезнет, уйдёт незаметно и необратимо, как вода сквозь пальцы, и живёт человек по-настоящему? Не приспособливается, не тянет ляжку, не исполняет свой (или чужой, навязанный ему!) долг, а именно ЖИВЁТ?

«Потому что, если не любил, значит, и не жил, и не дышал»...

Полковник Бардар был профессионалом слишком высокого класса для того, чтобы подобного рода размышления могли появиться у него при исполнении служебных обязанностей. Он работал точно, аккуратно, уверенно, и в этой работе не было и не могло быть места сантиментам, потому что это мешало выполнению обязанностей.

Служебных обязанностей.

Но сейчас он был в отпуске. Он настраивался на то, что неделю жизни он проведёт так, как...

А как, собственно?

Он и сам не мог понять, чего он ждал от этой недели, ведь ему хватало и того, что в эти дни он будет вместе со Светланой, незримое присутствие

которой и стало причиной непривычных для него размышлений, которые и радовали, и одновременно пугали его: всё это было слишком необычно, а необычное, неизвестное — как бы ни радовало! — всегда слегка страшит. Даже очень сильных, привыкших к преодолению трудностей, к опасностям людей.

Потому что оно — неизвестное...

Предстоящая неделя обещала только хорошее, ничто не могло помешать «празднику в лесу», как называла это Светлана, и, мало-помалу, втягиваясь в это «хорошее», Валентин Бардар думал о совсем уже невероятных для него вещах, и размышления эти, наверное, были приятными, потому что жёсткое, не улыбочливое лицо полковника ФСБ стало мягким и добрым, оно просто лучилось счастьем...

Полковник Бардар не мог знать, что обстоятельства уже сложились так, что предстоящая неделя должна была стать одной из самых тяжёлых и даже страшных в его жизни, а ему и его любимой женщине предстоит пройти через такое испытание, по сравнению с которым судьба Ромео и Джульетты может показаться доброй сказкой со счастливым концом — ведь иногда смерть намного легче того, что зовётся жизнью...

Он не мог знать этого, и никакие тревожные предчувствия не омрачали его радости.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Государство необходимо, потому что необходима структура, упорядочивающая ход жизни и организующая её, жизнь, на нормальных — то есть в первую очередь разумных — началах.

Необходимость существования любого государства определяется именно этим.

Но эта глобальная — в пределах территории государства — задача вступает в определённые, иногда существенные, противоречия с интересами отдельных личностей и коллективов, обретающихся на данных территориях, и тогда эти личности и коллективы пытаются обеспечить свой миропорядок, который в большей или меньшей степени расходится с тем, что предлагает им государство.

До тех пор, пока эти попытки не подрывают основ государственной монополии на право мироустройства, государство может себе позволить не обращать на них внимания.

Но, как хорошо известно всем, аппетит приходит во время еды, поэтому те, кто хочет устроить всё по-своему, должны либо вступить в открытый конфликт с государством, либо создавать своё собственное «государство в государстве»,

которое, соблюдая внешние по отношению к нему правила игры, на самом деле переиначивает их на свой лад, насаждая свои порядки и даже нравы.

Если люди, которые занимаются этим, добиваются значительных успехов, то существование этого «государства в государстве» обязательно становится явным, и тогда государство должно решить: что делать с нахалом, успешно посягнувшим на то, на что посягать нельзя?

Чаще всего официальные власти стараются не ссориться с теми, кто также обладает реальной властью и доказал своё право на эту власть, поэтому высокие договаривающиеся стороны находят общий язык и худо-бедно делят сферы влияния.

Если, разумеется, это оказывается возможным.

Делается это потому, что худой мир лучше доброй ссоры.

Намного лучше.

Именно поэтому в новой России возникли такие трогательно доверительные отношения между государством и теми, кто обладает в этом, как подразумевается, едином и могучем государстве реальной властью: те, кому есть что терять, всегда могут договориться, как избежать этих потерь, которые отнюдь не представляются неизбежными.

Примерно такие же отношения возникают и между «государствами в государстве», разница лишь в том, что здесь, как правило, гораздо больше людей, которые не совсем верно оценивают исходные данные и поэтому не всегда признают необходимость делёжки.

И тогда им объясняют, что и как.

Объясняют доходчиво, поэтому обычно уроки усваиваются с первого раза.

У тех же, кто не хочет с первого раза усваивать эти доходчиво проводимые уроки, появляются проблемы, связанные с профессиональной непригодностью: ведь если человек не способен сразу понять вполне очевидные вещи, значит, он не соответствует занимаемой должности, и такое несоответствие чревато оргвыводами.

Потому что дешевле один раз произвести кадровую перестановку, чем постоянно объяснять и объяснять то, что необходимо усвоить с одного-единственного раза.

И тогда всё определяется проверенным жизнью правилом: незаменимых нет.

* * *

— Нельзя не признать, что они работают идеально, и это происходит потому, что ситуация в

их тандеме во многом уникальна: люди повязаны столькими нитями, что деться им друг от друга просто некуда, кроме того, они идеально дополняют друг друга, как говорят учёные люди, это сочетание тактического и стратегического гениев, — медленно, раздумчиво, явно вспоминая услышанное, проговорил дорого и стильно одетый мужчина, длинные чёрные волосы которого были стянуты в модный ныне «хвост», ласково перекатывая в руках жёлтого стекла рюмку с коньяком «Арарат». — Если бы когда-то кто-то мог сказать, — он опять задумался, вспоминая, — что безумная любовь экзальтированной второкурсницы и доцента в расцвете лет принесёт такой результат, вероятно, это показалось бы по меньшей мере... фантазией...

— Нам-то что от этой их безумной любви, Гарик? Нам нужно думать о том, как сберечь свои деньги от этих безумных любовников, ведь сейчас, того и гляди, они нас сотрут в порошок, а ты, кажется, слёзы начнёшь лить над этой историей любви!

Характерная внешность, резкий, гортанный голос и неискоренимый долгими годами обучения в престижных школах и вузе акцент говорившего неопровержимо указывали на «лицо кавказской национальности», как стали называть в России выходцев с Кавказа те, кто не понимает разницы

между человеком и его внешностью — антропологи чёртовы, новаторы-анатомы-Мичурины!

«Лицо», которое произнесло слова об истории любви, было «лицом» более чем интеллигентным, читавшим эту самую «Историю любви» на языке оригинала, но для какого-нибудь Гаврилы с рынка этот человек оставался — «чуркой»...

Правда, вряд ли этот неведомый Гаврила рискнул бы назвать так интеллигентного кавказца в лицо, да ещё один на один: весь облик сына гор выражал такую непоколебимую уверенность в себе, такую свирепость, что у Гаврилы, скорее всего, язык прилип бы к гортани...

— Ты это зря, Вахтанг, — спокойно отозвался тот, кого косвенно обвинили в способности лить слёзы. — Просто есть такая... точка зрения, кстати, твоими учёными корешами выдвинутая, что наиболее полно индивид, нет, личность человека проявляет себя именно в любви! Прикидываешь, каждый, оказывается, трахается только так, какой у него характер, какие у него, — здесь говоривший на мгновение призадумался, как бы снова что-то вспоминая, — личностные характеристики! Вот!

Тот, кого называли Вахтангом, мог бы многое рассказать собеседнику о Фрейде и Фромме, о прочих психологических штучках-дрючках, потому что в своё время ушёл в бизнес со второго курса аспирантуры МГУ, где готовил диссертацию о

влиянии наследственности на процессы социализации подростков, но он благоразумно промолчал, решив, что просвещение народа — дело самого народа, а филантропия в случае с его компаньоном может только боком вылиться самому филантропу...

— Кстати, — интеллигентный кавказец насмешливо посмотрел на явно гордящегося своей учёностью собеседника, — в определённых кругах до сих пор легенды рассказывают о том, как этот, как ты его назвал, доцент в расцвете лет, мог неподражаемо «держать» поток... Заметь, это был четвёртый курс, не первокурсники какие-то желторотые...

— «Держал»... поток? — неуверенно переспросил ещё недавно гордящийся собой интеллектуал. — Ты имеешь в виду, что...

— Ты мыслишь правильно: поток — это не зона, это студенты. Так бывает, когда на лекцию сгоняют несколько групп сразу, весь курс. Сам понимаешь, народ собирается вместе нечасто, всё больше по группам гранит науки обгрызает, так что тут, когда все вместе, не до лекции... Так вот, наш... — здесь говоривший несколько замялся, подбирая нужное слово, — общий друг был совершенно неподражаем: мало того, что его лекции не пропускали, на них приходили с других факультетов, а некоторые особо впечатлительные

барышни приводили на них своих молодых людей, чтобы те могли наглядно убедиться в том, что настоящие мужчины ещё не перевелись!

— Теперь, в натуре, уже ты готов заплакать от умиления! — ядовито вставил собеседник Вахтанга.

— Готов, Игорь, признаю, — помолчав, отозвался тот. — Просто я по себе знаю, как трудно этих сволочей-студентов даже на практическом занятии, где им можно пару влечь, заставить работать, а этот... гений херов не отпускал сто пятьдесят человек всю лекцию! Знал бы ты, что это такое, когда тебя так слушают, что такое ощущение своей власти над людьми!..

— Но... — начал было Игорь, однако собеседник перебил его.

— Я не об этом, Игорь! Когда на зоне барак боится вздохнуть и ждёт, что ты скажешь, — это понятно, страх есть страх, куда тут денешься! А вот так... Ладно, — резко сменил он тему разговора, — давай лучше о деле!

— Конечно, — обрадовано подхватил Игорь, который крайне неуверенно чувствовал себя тогда, когда разговор становился отвлечённым, неконкретным. — Я и говорю, что эта трахнутая сладкая парочка работает так, что нам нужно что-то делать, иначе они нас сожрут — и очень скоро, причём даже не подавятся, суки!

— Я видел цифры и полностью с тобой

согласен. Последние полгода, то есть именно с того времени, как наши интересы пересеклись, мы теряем деньги, теряем регулярно, и очевидно, что наши потери растут в... может быть, даже арифметической прогрессии. Нас может хватить ещё максимум на полгода, а потом, если ничего не изменится, мы с тобой окажемся... малообеспеченными гражданами. Соответственно, окажутся в проигрыше те, кто нас с тобой... финансирует, чьи деньги мы, как это сейчас модно говорить, отмываем. До сих пор они получают своё только потому, что мы отказываемся от части своей доли — так ведь скоро нам отказываться будет не от чего... И тогда они начнут терпеть прямые убытки. Нам обоим хорошо известно, чем это может закончиться. Для нас с тобой, — уточнил он, нервно усмехнувшись.

— Нас с тобой отправят отдыхать в Сочи, а на наше место назначат других людей...

— Которым придётся столкнуться с теми же самыми проблемами, но уже в гораздо более неблагоприятных для них, этих людей и наших спонсоров, условиях, потому что по нашей вине будет потеряно слишком много времени, которое, как это нам с тобой хорошо известно, и есть деньги. Конечно, с того света не возвращаются, и нам с тобой, скорее всего, не будет ни жарко и ни холодно от того, что нас помянут, как говорил твой

Шевченко, «незлым тихим словом»...

— Когда это Шева мог такое сказать?! — сильно заинтересовался услышанным Игорь Иванович Земко, уроженец Полтавской области, которая ныне находилась на территории суверенного государства Украина. — У него что, крыша в этом его «Милане» поехала, он же ещё совсем молодой пацан!

— Я не о футболисте Андрее Шевченко, а о великом Кобзаре — о Тарасе Григорьевиче, — с доброжелательной издёвкой уточнил Вахтанг. — О духовной святыне украинского народа...

— Ну да! — с облегчением выдохнул Игорь Иванович, обрадованный, что с его кумиром всё в большом порядке. — Этот мог, тут без базаров! А Шева — пацан правильный!..

— Нам с тобой о себе думать надо, а не об этом твоём правильном Шеве! — в сердцах бросил Вахтанг, отлично зная страсть своего собеседника к бесконечным разговорам о футболе, которые могли заменить Игорю Ивановичу в этой жизни очень многое. Сам преданно болея за тбилисское «Динамо» и сборную Грузии, Вахтанг всё-таки не мог понять, как можно до бесконечности обсасывать одно и то же — и делать это с жаром, чуть ли не молясь на какого-нибудь полудурка, который и по мячу-то попасть не всегда умеет (конечно, это говорилось не о по-настоящему

великом игроке Андрее Шевченко)...

— Всё-всё...

— То, что они нас сжирают, обсуждению не подлежит — это просто реальный, конкретный факт. Мы, конечно, пробовали договориться... полюбовно?...

— Ты что, сам не знаешь!?

— Знаю... Ты лучше скажи, что она тебе ответила в последний раз. Когда я в Вене был.

— Что-что... Ты помнишь, как перед этим она предлагала, чтобы мы под ними бегать стали. Это тогда, когда мы с тобой вместе у неё были...

— Помню. Очень жаль, что мы уже связаны обязательствами, и расстаться с этими людьми можно одним-единственным способом, а то, конечно, нужно было немедленно соглашаться.

— Это ты чего?! Ты когда до этого додумался? — Игорь начал заводится, повышая голос и бросая на Вахтанга грозные, как ему самому казалось, взгляды. — Что же ты тогда молчал? У неё?

— Не кричи, пожалуйста, — попросил Вахтанг. — Я тебя хорошо слышу, так что не кричи, пожалуйста. А додумался я тогда же — потому что лучше нам с тобой всё равно ничего нельзя было придумать, и она об этом знала... Ну ладно, это прошлое. А в последний раз она что сказала?

— Я тебя потому из Вены и выдернул, — неохотно пробурчал Игорь Земко. — Она сказала, сучка, что поезд уже ушёл — и что мы сами виноваты в этом.

— Она, как всегда, совершенно права, — немного подумав, кивнул головой грузин. — Это действительно так: поезд уже ушёл, и виноваты в этом мы сами...

— Ну-ну...

— Не нукай, пожалуйста. До тех пор, пока мы не рассмотрим ситуацию реально, такой, какова она на самом деле, а не какой нам хотелось бы её видеть, мы не сможем ничего придумать.

— А тогда — сможем? — с сарказмом поинтересовался Игорь.

— Тогда, по крайней мере, может появиться шанс, которым, глядишь, и удастся воспользоваться, — мягко сказал Вахтанг. — Если мы станем гнать волну, прятать голову под крыло или пудрить себе мозги, то... Сам понимаешь, — добавил он.

— Понимаю, а как же... Не один ты такой продуманный, — недовольно проворчал Игорь, любовно поглаживая свой роскошный иссиня-чёрный «хвост».

— Вот и отлично.

— И что ты предлагаешь? — прервал напряжённое молчание компаньонов Игорь

Земко. — Ты же сам только что сказал, что выхода у нас нет...

— Выход есть всегда, — задумчиво произнёс Вахтанг. — Вопрос, дорогой, только в том, насколько этот выход приемлем для тех, кто через него может... выйти... В конце концов, поездка в Сочи — это ведь тоже выход, а?

— Всю жизнь мечтал об этом!

— Ну, значит, за тебя можно порадоваться: ты близок к исполнению своей заветной мечты! — недобро пошутил кавказец. — Стало быть, ты близок к тому, чтобы стать счастливым человеком, мечта которого сбывается... Не забудь им за это спасибо сказать...

— Хватит, Вахтанг! — очень зло бросил Игорь, залпом выпил коньяк и потянулся к бутылке, чтобы налить себе ещё.

— Не спеши с дозами, Гарик, — посоветовал ему Вахтанг, перехватывая руку с бутылкой. — Давай сначала по делу, а уже потом отметим найденное нами успешное решение проблемы...

— А оно есть, твоё успешное? — безнадежно спросил Игорь, искоса посмотрев на улыбающегося Вахтанга.

— Может и должно быть! А ты, дорогой, поставь бутылку и слушай меня очень внимательно.

Игорь с неохотой поставил бутылку на стол, подчинившись властным интонациям, появившимся

в голосе Вахтанга.

Если честно, то он, после разговора с этой стервой, похоронил и себя, и Вахтанга: чудес не бывает, они влипли слишком крепко, чужие бабки, общаковые, которые они крутили и за прокрутку которых сливали лавьё тем, кому положено, были огромными, поэтому их потеря не могла не стоить жизни тем, кто эту потерю допустил.

То есть ему и Вахтангу...

— Исходные данные, — деловито сказал Вахтанг Туманишвили, — таковы: если не предпринять чего-то... экстраординарного, то через полгода, а то и раньше, нас с тобой не будет. И произойдёт это не потому, что мы плохие или хорошие, а в силу объективных причин — в конкурентной борьбе побеждает сильнейший. Сильнейшими оказались они. Так?

— Ну?...

— В чём их сила? — спокойно спросил Вахтанг и так же спокойно ответил. — Их сила в том, что они представляют собой совершенную пару, гениальный тандем, в котором идеально сочетаются стратегическое и тактическое начала, где каждый делает своё дело — и они прекрасно дополняют друг друга... Ты сам с этого начал.

— Ну...

Вахтанг сознательно не отвлекался на раздражающие его идиотские реплики собеседника,

зная, что Игорю нужно вести себя сейчас именно так: эта была особая форма самозащиты, к которой его партнёр прибегал тогда, когда ему не хватало слов, мозгов или умения высказать то, что хотелось...

— Значит, их сила — в единстве. Ты согласен?

— Не мучай Муму, Вахтанг, — посоветовал ему Игорь. — Что дальше?

— А дальше, — Вахтанг потянулся к бутылке и очень аккуратно налил себе микроскопическую дозу коньяка. — А дальше следует неизбежный вывод: если их сила в единстве, то и главная слабость их — тоже в единстве!

— Это как?...

— Не коси под совсем убогого, Гарик... Это значит, что в случае... назовём это... нарушения этого единства... Такая формулировка тебя устраивает?

— Устраивает, — быстро ответил Игорь, и его глаза заблестели.

— Принимается формулировка? Превосходно! Так вот: в случае нарушения этого единства, в случае его, понимаешь ли, нарушения, — забубнил Вахтанг, — что бывает в случае нарушения, а?

— Ты хочешь сказать, — осторожно начал Игорь, забыв даже о коньяке, на который до этого поглядывал с вожделием, — что нам нужно...

— Нам нужно разрушить этот идеальный тандем! — чётко, отделяя одно слово от другого, произнёс Вахтанг. — Тогда всё то, что они могли нам предложить, рассыпается, потому что оставшейся, — голосом он выделил это слово, — придётся сосредоточить все свои силы на проблеме собственного выживания. Так сказать, непосредственного выживания, и здесь уже будет не до конкурентной борьбы в тех масштабах, которые имеют место быть сейчас. Потому что, когда человек тонет, он думает не о том, чтобы утопить кого-то, а о том, чтобы себя самого спасти. Посему...

— Ты гений! — бурно возрадовался Игорь Земко. — Вахтанг, ты настоящий гений!

— А бывают ненастоящие гении? — поинтересовался Вахтанг.

— Да ладно тебе, братуха! Ты молоток! Только... — он задумался, не решаясь продолжать.

— Ты о том, как это сделать? И о том, как нам говорить с большими людьми, под которыми мы бегаем? — просто спросил Вахтанг. — Я думал об этом.

— И что?

— Понимаешь, ведь это и в их интересах тоже: они спасают СВОИ, именно что СВОИ деньги! Поэтому они нам помогут. И нам, кстати, ничего не смогут предъявить, потому что мы с

тобой старались справиться с проблемой своими силами и, что самое главное, вовремя предупредили их об опасности — когда ещё можно всё исправить. Так что здесь мы чистенькие...

— Вовремя? Ты думаешь?... — с сомнением сказал Игорь. — Но ведь нам могут сказать: «Почему вы так поздно к нам обратились?»

— Не «могут», Гарик, а обязательно скажут! И не сомневайся в этом! — уверил собеседника Вахтанг. — Тогда мы ответим, что мы вели переговоры, старались всё решить своими силами, чтобы не отвлекать уважаемых людей своими же проблемами. В конце концов, свои обязательства перед ними мы выполняли, и это главное. А теперь возникла проблема, для разрешения которой только наших усилий уже недостаточно, поэтому мы и обратились к ним.

— Потянет, — решил Игорь, — нас должны понять...

— Нас поймут! — уверил его Вахтанг. — Особенно — если мы изложим свои... соображения и расскажем о тех перспективах, которые возникают в случае успешного разрешения проблемы. Перспективы, возникающие не только перед нами, но и перед ними...

— ?

— Когда рухнет то мощное, в чём-то даже совершенное сооружение, которое ТЕМ удалось

создать, мы окажемся... первыми в очереди тех, кто может занять место лидера — потому что будем к этому готовы. И тогда уже не она нам, а мы ей будем диктовать свои условия...

— Ей? Ты хочешь сказать, что... избавляться нужно от него? Не от неё, а от него?

— Разумеется, — Вахтанг был удивлён и не скрывал своего удивления. — Ведь в их тандеме стратег — он. Гарик, это такая голова, что я готов снять перед ним шляпу — если бы она у меня была! Ты вспомни, с чего они начинали? Ну, были у него как у доцента университета какие-то деньги, были! Но сколько их было, денег тех? И они за год наварили столько, что уже в конце мая — когда заканчивался учебный год — то есть с сентября, за девять месяцев! — имели больше миллиона в баксах! И это только то, что официально лежало в банке! У него на кафедре, когда он уходил, все предрекали, что к концу года он приползёт на коленях и станет просить, чтобы его взяли назад, ждали этого, предвкушали, так сказать, наслаждение от унижения... А он пригласил всю кафедру на свой день рождения, который отмечался на пароходе на Москве-реке, где было больше двух сотен гостей — и таких гостей! Прямо на дне рождения он сделал каждому из бывших коллег роскошный подарок — со словами благодарности за счастливые годы совместной работы...

— Ты чего это так разошёлся? — Игорь был очень удивлён поведением Вахтанга. — Тебе-то что до него?

— Тебе не понять, — успокоившись, Вахтанг сверкнул белозубой улыбкой. — Словом, необходимо сделать так, чтобы она осталась сама, а остальное будет делом техники...

— И как ты собираешься это сделать? — поинтересовался Игорь.

— Здесь, дорогой, наша самодеятельность ни к чему хорошему не приведёт, — наставительно произнёс Вахтанг. — Тебе нужно срочно выходить на уважаемых людей, излагать им ситуацию, а они уже должны решать, как это всё лучше устроить. Им виднее: опыта больше, сидят выше, видят дальше. Сам понимаешь. Разделение труда — одна из основ успеха.

— Ты прав. Ну, тогда — давай за удачу, что ли...

— Давай. Всё на свете можно купить, а удачу не купишь, нет такого магазина, где бы её продавали, как говорил один старый рыбак...

— Кто... говорил?!

— Неважно. За удачу, Гарик!

Рюмки жёлтого стекла встретились, издав победный звон, и этот звон вселял в сердца компаньонов надежду, очень и очень приятное ощущение того, что всё не так уж и плохо

складывается.

А ведь накануне встречи каждый из них был готов к самому худшему, потому что могущественные и безжалостные конкуренты действительно загнали их в угол — как сказала Игорю Земко хозяйка концерна «Люпус» Алла Алексеевна Либерман, та самая «стерва»: «Вы, уважаемый Игорь Иванович, оказались в цугцванге — это такое положение в шахматах, когда игрок может делать только те ходы, которые ему позволяет делать соперник, но каждый из них лишь ускоряет гибель, приближает к поражению, поражению, заметьте, неизбежному!»

Теперь же выяснилось, что это не совсем так, что в этой шахматной партии есть нестандартные, непрогнозируемые ходы, о возможности существования которых прозорливая Алла Алексеевна и не догадывалась.

А может, догадывалась?

Может, она и их смогла предусмотреть, эта хитрющая стерва с внешностью фотомодели и компьютером вместо мозгов и сердца?...

... Описанный выше разговор состоялся в начале июня, Валентин Бардар и слыхом не слыхивал о концерне «Люпус» и его хозяйке, а также о некоем «гении», которым восхищался впечатлительный (в некоторых вопросах...) Вахтанг Туманишвили, но именно этот разговор

стал точкой отсчёта в цепи тех событий, которые привели к столь неожиданному исходу такого желанного для Валентина и «его радости» Светланы «праздника в лесу»...

* * *

Валентин Бардар был предельно сконцентрирован на разрешении сложнейшей задачи, без чего дальнейшее его, Валентина, существование (на протяжении, во всяком случае, определённого времени) становилось невозможным.

Совершенно, абсолютно невозможным.

... Это был шестой цветочный рынок, который тщательно обследовал полковник ФСБ Валентин Бардар, и пока что, как и на всех предыдущих объектах, его усилия были тщетными: он не сумел отыскать жёлтые розы, которые бы... пахли розами.

Не было таких, не было ни на одном из рынков!

Там, если говорить прямо, вообще не было роз, которые пахли бы цветами... Не говоря уже о жёлтых... Огромные, на длиннющих стеблях, потрясающей красоты цветы пахли травой или, чаще всего, какой-то противной отравой, каковой, вероятно, их опрыскивали с Бог его знает какой

тайной целью.

А вот розами — не пахли...

В отношении цветов Светлана обладала несколько необычным, во всяком случае, для России или Украины, вкусом: она любила цветы жёлтого цвета. Стойкая убеждённость в том, что такие цветы обещают разлуку или даже чего похуже, привела к тому, что жёлтые цветы в России вообще были в загоне, их остерегались покупать и дарить, а ведь именно спрос в рыночных отношениях, пусть и полудебильных, но всё же рыночных, которые установились на одной шестой части суши, определяет предложения...

Поэтому отыскать жёлтые розы вообще было непросто, а уж пахнущие розой...

В Одессе Вале удавалось находить огромные, удивительно нежно пахнувшие жёлтые розы, и это двойное чудо — природы и человеческой настойчивости — делало Светлану бесконечно счастливой...

Если честно, то сначала Валентин просто не понял, что означают для его любимой эти цветы, решив, что жёлтые розы — это просто причуда, мало ли какие у женщин могут быть «пунктики». «Больше всего, Валя, я люблю жёлтые розы, которые пахнут,» — неуверенно улыбнувшись, сказала Светлана в ответ на его вопрос о том, какие цветы она хотела бы получить в подарок.

Сказано «жёлтые» — значит, жёлтые, и Валентин искал в феврале эти цветы, не очень, правда, рассчитывая на успех. Но нашёл — из обыкновенного упрямства, чтобы доказать Светлане, с которой они только что познакомились, что он, Валентин, может всё — было у него такое немного мальчишеское желание, возникшее после того, как на глазах у Светланы по его, как он до сих пор продолжал считать, вине погиб Александр Завалько...

Упрямства у Валентина всегда было больше чем достаточно, отступать он не умел и не привык, поэтому жёлтые розы были найдены.

Валентин торжественно извлёк из-за спины букет роз — и онемел: его поразила волна счастья, залившая лицо Светланы, удивительное просветление, появившееся на этом лице... Это было больше, чем радость; это было больше, чем счастье — он и сам не знал, что это было, но он, Валентин Бардар, ощутил внезапную слабость в ногах и невозможность произнести хотя бы одно слово.

Кажется, даже слёзы подступили к его глазам...

— Валя... — беззвучно произнесла Светлана, оторвав взгляд от цветов и переведя его на лицо Валентина. — Валя...

Именно тогда Валентин Бардар понял, что

такое счастье: это когда любимая женщина смотрит на тебя такими глазами и так произносит твоё имя...

И ничего больше тебе уже в жизни не нужно, потому что в такие мгновения душа твоя умирает и возрождается одновременно, осенённая светом этих глаз...

Вот почему полковник Бардар терпеливо обходил ряды шестого по счёту цветочного рынка, старательно принохиваясь ко всем розам жёлтого цвета. Да, пока он не нашёл того, что ему нужно, но это не страшно: он обязательно найдёт их, эти жёлтые розы, которые будут пахнуть розами!

Они есть, потому что Света их любит, — и поэтому он их найдёт.

Должен найти.

Это не самая лёгкая из задач, но он обязан её решить.

И решит.

... Машины у Валентина не было, на службу и домой он ездил в метро или служебными машинами, поэтому у него не было потребности в личном средстве передвижения. Но на ту неделю, что в Москву прилетала Светлана, Валя раздобыл роскошный тёмно-синий «СААБ», отличную машину, в высшей степени комфортную и безопасную — это было очень важно.

Валентин панически боялся, что со Светланой

может что-то произойти, по его просьбе в далёкой Одессе полковник Алексей Петрович, с которым они вместе работали по делу о покушении на президентов России и Украины, старательно и незаметно «присматривал» за Светланой, а когда они были вместе, то всю ответственность за «профилактику нештатных ситуаций», как он это называл, Валентин брал на себя. Поэтому он и попросил это чудо техники и безопасности у Эдуарда Николаевича Терещенко, совладельца частного сыскного агентства «Заслон», своего бывшего начальника, родственницу которого, Ларису Луазо (в то время — Ларису Сизову) Валентину удалось вытащить из достаточно трудной для неё ситуации.

Это было несколько лет назад, и именно Лариса стала для Валентина человеком, буквально заставившим его пересмотреть своё отношение к женщинам — и это произошло без всякого нажима со стороны девушки, просто немало повидавший к тому времени в жизни Валентин Бардар впервые встретил Женщину, понял, что это такое и зачем её, Женщину, создал Бог...

Как он, Валя, ненавидел вначале Жака Луазо, толстого парижского дизайнера, которого любила Лариса!.. Пока не понял, что нужно просто радоваться тому, что на свете есть эта удивительная женщина, что она любит и любима, что он,

Валентин Бардар, встретил её и сумел помочь ей тогда, когда ей понадобилась помощь...

Просто радоваться тому, что в его жизни была эта удивительная встреча, — и обязательно помнить слова Ларисы о том, что каждого человека в жизни ожидает его собственная счастливая встреча, что нужно быть очень внимательным, чтобы распознать её, сохранить и приумножить то светлое, что посылается Богом каждому из нас один-единственный раз в жизни.

Как говорила тогда Лариса:

Единожды в жизни
даётся любовь,
А всё остальное
зовётся иначе.

... Самые разные мысли проносились в голове полковника Бардара в то время, когда он старательно оглядывал и обнюхивал длинные цветочные ряды в поисках роз жёлтого цвета, которые сегодня вечером будут подарены его любимой женщине.

И эти розы обязательно будут пахнуть розами.

* * *

После того, как Игорь Земко и Вахтанг

Туманишвили наметили пути разрешения проблемы (без преувеличения, от успешности этого разрешения зависела их жизнь), состоялась встреча Игоря Ивановича по кличке «Гарик Зёма» с уважаемыми людьми, представляющими верхушку российского преступного мира. По поручению именно этих людей компаньоны вкладывали общаковые деньги в легальный бизнес, приумножая тем самым финансовое могущество российской преступности.

Гарика Зёму внимательно выслушали те, кому положено было его выслушать, после чего полученная от него информация поступила на самый верх, туда, где принимались решения.

Наверху, как и прогнозировал Вахтанг, очень высоко и правильно оценили предусмотрительность компаньонов, вовремя доложивших о возникновении проблемы, а также те перспективы, которые возникали после проведения мероприятий по «нормализации отношений» между концерном «Люпус» и предприятием, возглавляемым господами Земко и Туманишвили. Перспективы эти были, можно сказать без преувеличения, радужными, поэтому было принято решение поспособствовать разрушению тандема, обеспечивающего финансовое процветание и неуязвимость (финансовую же!) концерна «Люпус», то есть созданию такой ситуации, когда Алла

Алексеевна Либерман останется одна.

Без своего законного супруга и компаньона Вольфа Вольфовича Либермана.

Который станет лишним — и поэтому уйдёт.

После того, как было принято принципиальное решение, соответствующие службы получили задание подготовить процесс «утилизации» Вольфа Вольфовича Либермана таким образом, чтобы его уход оказался максимально эффективным с точки зрения достижения конечной цели всей операции.

Для определения наиболее верных путей достижения этой конечной цели была выделена неделя, в течение которой прошлое и настоящее семьи Либерман были самым внимательным образом изучены — необходимо было определить гипотетические слабые места в идеальном тандеме, после чего — рационально их, эти слабые места, использовать.

Результаты анализа истории жизни семейства Либерман оказались столь впечатляющими, что для их осмысления было созвано специальное производственное совещание.

Как выяснилось, отношения между пятидесятирёхлетним Вольфом Вольфовичем и тридцатидвухлетней Аллой Алексеевной, которые состояли в законном браке (между прочим, законный супруг был первым мужчиной в жизни

Аллы Алексеевны: «Б... буду, Алка за него целкой выходила, она у нас вообще одна целка на курсе была и даже в рот не брала!»- клялась одна из подруг-сокурсниц «Алки») тринадцать лет, с точки зрения достижения конечного результата были настолько многообещающими, что грех было не использовать этот фактор по полной программе...

После того, как аналитики доложили полномочному собранию результаты своей работы и ответили на многочисленные вопросы фактического характера, их попросили изложить рекомендации относительно стратегии и тактики последующих действий.

Рекомендации были даны, их внимательно выслушали и попросили аналитиков удалиться.

— Да-а... — озадаченно протянул ответственный исполнитель. — Я думал, это только в нашей, так сказать, среде такое возможно, групповухи и всё такое прочее. А тут... Всё-таки он сверхобразованный мужик, башка такая, что любому умнику сто очков вперёд даст — и всё равно его как маленького объегорит, а тут...

— Нам от этого только лучше! — веско произнёс человек, которого собеседники откровенно побаивались: все прекрасно знали его сволочной характер и стремление подчеркивать свою значимость всеми доступными средствами.

А положение его в иерархии преступного

мира было таким высоким и прочным, что некоторые специфические черты характера данного господина проявлялись в высшей степени вольно, потому что возражать этому человеку отваживались очень немногие...

— Ты хочешь сказать, что это можно и нужно использовать в игре против «Люпуса»... всесторонне? — неуклюже высказался третий участник совещания.

— Хрен его знает, сколько тут может быть сторон, но то, что об этих ихних делах знает, оказывается, пол-Москвы, нам только на пользу идёт! Под это дело можно этот самый ихний тандем вообще на нуль помножить. Или разделить, не в этом суть, главное, что после этого всё станет класс!

— Соблазнительно... — пожевал губами тот, кто задал вопрос.

Ответственный исполнитель, который и так позволил себе лишние эмоции, скромно помалкивал, не решаясь более встревать в беседу хозяев. Исполнитель — он ведь исполнитель и есть, и задача его — исполнять. Что скажут — то он и должен в лучшем виде изобразить.

А участие его в совещании объясняется очень просто: если у тех, кто принимает решение, возникает потребность в консультации относительно того, насколько с технической точки

зрения это решение выполнимо, он эту консультацию тут же даёт — не посылать же каждый раз за специалистами!..

Вот, например, как сейчас, когда задаётся достаточно конкретный, требующий такого же конкретного ответа, вопрос.

— То, о чём мы узнали, может нам серьёзно помочь?

— Так точно, — исполнитель уже овладел собой. — Это очень ценные сведения, они открывают большие возможности.

— И сколько тебе надо времени, чтобы ты представил конкретный план? — поинтересовался неформальный руководитель совещания. — Такой, чтоб всё путём было?

— Полагаю, что не очень много, — исполнитель был осторожен. — Хотелось бы уточнить, что именно от меня требуется: мне нужно знать полный объём задания и планируемые конечные результаты. Естественно, только то, что мне позволено знать.

— Ты слышал: нужно помножить на нуль этих... супругов-любовников, — говоривший плотоядно ощерился. При этом он, сам того не ведая, почти дословно процитировал слова господина Земко, сказанные чуть больше недели назад.

— То есть... компрометация в полном

объёме? Физическая и моральная? Я правильно вас понял?

— Правильно, правильно, — сквозь зубы пробормотал руководитель. — Ты не менжуйся, — посоветовал он исполнителю. — В слова нам с тобой играть некогда, тебе не за это бабки кидают. Ты сам всё понимаешь, не дурнее глупого, а то, что от меня хочешь услышать конкретные вещи, чтобы в случае чего на меня же стрелки перевести — так ты эти свои... конторские замашки бросай! Всё равно за результат спросят с тебя, сам понимаешь!.

— Я хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли... — начал было исполнитель, но собеседник жёстко прервал его, брезгливо скривив тонкие губы.

— А ты не переживай за меня, я-то понятливый! Ты за себя переживай! За себя, понял?! Так сколько времени тебе надо, а?

Ответственный исполнитель задумался.

Про себя он уже решил, что это задание — одно из самых интересных за то время, что он работает на новых хозяев. Да и в прежней жизни, когда он был ответственным сотрудником все сильного некогда КГБ, подобного рода «творческие работы» встречались ему не так уж часто...

— Неделя на уточнение дополнительных данных и разработку плана и недели две —

предварительно, пока что предварительно! — на реализацию плана. Итого — три недели.

— Не мало? А то, может, ты перетрухал да хочешь, как юный пионер, поперед батьки в пекло влезть? Ты смотри, всё должно быть идеальнейшим образом, повторять не стану! А? Так, может, тебе ещё время надо?...

— Мне нужны три недели, — сдержанно сказал исполнитель. — Это вполне реальный срок, его должно хватить для качественной подготовки.

— Есть у нас три недели? — поинтересовался руководитель совещания у замолчавшего после первых же фраз третьего участника обсуждения.

— Они сказали, что есть...

— Они — серуны! Зёма этот... Сказали... Они тебе скажут! Ладно, действуй! Каждые три дня лично докладывай мне о том, что сделано. И о том, что не сделано, тоже! Понял? Лично! Бабок бери столько, сколько нужно, всё равно потом своё вернём...

* * *

Как и обещал ответственный исполнитель, три недели оказались оптимальным сроком для подготовки уникальной операции. Бывшему рыцарю плаща и кинжала подготовка к выполнению этого задания доставляла истинное

наслаждение: комбинация, которую он разработал, отличалась, как ему казалось, тончайшим учётом психологии всех тех, кто должен был участвовать (прямо или косвенно) в её осуществлении, а что может быть интереснее, чем манипулировать людьми, делая их послушными исполнителями своей воли? Особенно если они знать не знают и ведать не ведают об этом?

Как в этом конкретном случае!

Денег для подготовки операции и в самом деле понадобилось много. Даже очень много, потому что нужно было не только грамотно исполнить, но и аккуратно замести следы, точнее, перевести стрелки в нужном направлении.

Как это чаще всего и бывает в подобных случаях, именно операция прикрытия стала наиболее сложным фрагментом общей картины, именно на её организацию потребовались самые большие деньги, именно над ней пришлось больше всего ломать голову.

Собственно, так оно всегда и бывает: замести следы — вот самая сложная задача, потому что следы — они, как верно заметил кто-то, остаются, и никуда от этого не деться.

Поэтому операция прикрытия и предусматривала... оставление следов, следов должно было быть много и они должны были направить расследование преступления в нужное

русло. След ведь сам по себе мало что значит, всё зависит от того, кто с этим следом работает и что он способен в нём рассмотреть. Вот и нужно будет помочь следователям (название профессии, между прочим, от слова «след»!) увидеть то, что им положено увидеть — с помощью нужных следов...

Так получилось, что в подготовке операции участвовали самые разные люди, и подавляющее большинство из них использовалось «втёмную». То есть они что-то делали, но не знали о том, что это «что-то» является частью великолепно разработанного плана — они просто выполняли свои обязанности, чьи-то просьбы, а многим вообще казалось, что они откровенно валяют дурака, отвлекаясь от серых и скучных будней...

Особое внимание было уделено выбору непосредственных исполнителей задуманного. Здесь привлекались профессионалы самого высокого класса, услуги которых стоили чрезвычайно дорого, но они, эти услуги, того стоили.

Ответственный исполнитель слишком хорошо знал, какую огромную роль в достижении цели играет человеческий фактор, поэтому он обращался только к лучшим из лучших. И поэтому — к самым дорогим из дорогих специалистов. Зато гарантией успеха были высочайшая квалификация исполнителей и их безупречная репутация.

Запрошенные ответственным исполнителем три недели истекали шестого июля.

Как раз в тот день, когда Валентин Бардар должен был встречать в аэропорту любимую женщину, которую собирался отвезти на дачу своего бывшего школьного учителя Александра Владимировича Воеводина, где их обоих ожидала неделя «праздника в лесу».

Праздника, о котором они так давно мечтали.

... Добротная, но скромная дача господина Воеводина, небогатого, однако вполне прилично обеспеченного «рантье», как он сам называл себя в разговорах со своим бывшим учеником Вале́й Бардаром, находилась в одном и том же дачном посёлке, что и роскошный загородный дом четы Либерман.

Более того, Воеводин был другом детства Вольфа Вольфовича Либермана, который предусмотрительно старался окружить себя хорошо знакомыми людьми: именно Либерман помог Воеводину со строительством дачи, расположенной на соседнем с его имением участке земли.

ГЛАВА II

Конечно, Валентину Бардару удалось отыскать жёлтые розы, которые пахли так, что один их запах мог свести с ума любую женщину. Он

купил их у невзрачной бабульки, притулившейся со своим обшарпанным ведром возле входа в подземный переход, и произошло это довольно поздно, во всяком случае, времени, чтобы добраться до аэропорта, оставалось в обрез.

Валентин торопился, ему было некогда — да и не собирался он этого делать — торговаться, поэтому он сходу протянул старухе двадцатку с портретом американского президента из периода древней для самой могучей страны мира истории и бережно подхватил тяжёлый, изумительно пахнущий букет огромных чайных роз.

— Спасибо вам, бабушка, — тепло сказал он.

Старуха, вцепившаяся в заморско-российские деньги мёртвой хваткой и не обращавшая до этого внимания ни на что другое, перевела растерянный взгляд с зеленовато-серой купюры на человека, который ей эту купюру передал, и вдруг улыбнулась, сразу став обычной русской бабушкой, на которых стояла и стоять будет Россия — бабушкой, сумевшей чем-то угодить любимому внуку: нельзя было не откликнуться на ту радость, которая осветила лицо Валентина.

— Хай щастыть, сынку! — произнесла она не совсем понятные Валентину слова, и уже в машине он вспомнил, что именно так желают счастья на Украине. Бывая в Одессе, он слышал эти слова не раз, но только сейчас подумал о том, насколько они

мягче и добрее простого «Счастливо!», которым и сам он частенько заканчивал разговоры...

Самолёт из Одессы прилетел вовремя, пассажиров, несмотря на позднее время и летний период, было много, в том числе и молодых женщин и девушек, но не увидеть Светлану было невозможно — даже в этой пёстрой и говорливой толпе выделялась высокая, грациозная девушка, которая гордо несла свою красивую голову с пышными светлыми волосами, жадно оглядывавшая зал аэропорта в поисках... того, кого ей хотелось видеть...

Поэтому она не обращала никакого внимания на спортивного вида рослого парня, что-то настойчиво предлагавшего ей.

Увидев этого красавчика, Валентин мгновенно подобрался, ощутив неукротимое желание... запретить ему так смотреть на Светлану, закрыть ему рот — и вообще... Что означало это «вообще», он не успел понять, потому что Светлана, найдя его глазами, лёгким движением сорвалась с размеренного шага и побежала — побежала к нему, Валентину, неловко застывшему возле колонны в зале ожидания.

— Валя... — сдавленно всхлипнула она, крепко обхватив своими сильными руками голову Валентина и, казалось, вобрав лицо любимого в свои бездонные глаза, в уголках которых повисли

слезинки. — Валя...

Валентин очень бережно положил свою крепкую руку на плечо Светланы и медленно, стараясь не показать, как сильно хочется ему этого, прижал к себе её гибкое и сильное, ставшее нежно-податливым, тело.

Они постояли так немного, совсем немного, после чего из-за спины Валентина появился тот самый букет жёлтых роз, который уже отчаялась было сбить с рук безымянная для Валентина бабулька.

— Валя!..

Вот оно!

Вот оно, то выражение счастья, которое было так знакомо и дорого Валентину, ради появления которого на лице Светланы он готов был на всё, что только было в человеческих силах, даже на большее, потому что мужчина чаще всего счастлив отражённым счастьем — это когда он может сделать счастливым того человека, без которого вся жизнь теряет смысл, без которого, в сущности, и жизни-то никакой нет, каких бы высот ты ни достигал...

Ведь самому человеку, как правило, нужно очень немного, ведь человек — это всего лишь человек, но осознание того, что твоя жизнь делает счастливым кого-то, кто дорог тебе так же, как и ты ему дорог, позволяет преодолеть однократность

собственной жизни и прожить новую — в этом родном тебе человеке.

Может, действительно, любовь может подарить бессмертие?...

«Классная тёлка, а досталась какому-то... чмошнику!» — с сожалением констатировал про себя недавний попутчик Светланы, сразу понявший причину её непритворной холодности: он знал, что по-настоящему любящие друг друга люди не играют в равнодушие, они в самом деле не замечают никого, кроме тех, кого любят.

«Да-а-а, тёлка в большом порядке!» — ещё раз подумал он, подхватил свою сумку и отправился на поиски такси, которое, впрочем, к чести Москвы, не заставило себя искать.

* * *

Сегодня, шестого июля, должна была закончиться трёхнедельная подготовительная работа — закончиться представлением, ради которого всё и делалось и которое должно было принести необходимый результат.

Ответственный исполнитель, который за эти три недели проделал колоссальную работу, ощущал сейчас — одновременно! — и некое волнение, вызванное ожиданием успешного завершения трудной, кропотливой работы, и какую-то

приятную расслабленность, своего рода реакцию на недели напряжённой работы мысли и бесконечных увязок всего того, что нужно было увязать и согласовать.

Строго и придирчиво оглядывая процесс подготовки, ответственный исполнитель не мог отыскать чего-либо, что могло помешать реализации во многом совершенного плана по «утилизации» Вольфа Вольфовича Либермана. Не мог отыскать упущений или недоработок, не мог найти слабых мест, не обнаруживал сомнительных, «на авось», действий — всё строго, точно, обоснованно и целесообразно!

Железобетонно!

Тем не менее, будучи профессионалом, обладая огромным опытом работы в самых невероятных условиях, он отлично понимал, что предусмотреть абсолютно всё невозможно.

Всегда будут непредвиденные случайности, помехи, спрогнозировать появление которых просто невозможно, а также прочие неконтролируемые факторы, зачастую способные свести на нет самый блестящий план и самую тщательную подготовку — и тогда прости-прощай, но необходимого результата не будет.

Вместе с тем, и это тоже было совершенно однозначно, как сейчас утверждают все и обо всём, он понимал — его огромный опыт убеждал его в

этом — , что результативность проводимых мероприятий во многом обеспечивается тем, что исполняемый план должен быть как можно более простым, в его осуществлении должно быть использовано как можно меньшее количество исполнителей.

Потому что, и это закон универсальный, чем сложнее система, тем более велика вероятность выхода из строя отдельных её элементов.

Чем больше народу в деле — тем больше шансов проколоться, потому что самым слабым звеном всегда оказываются именно люди, исполнители...

Разумеется, координировать проведение операции он должен был сам, здесь никому нельзя было передоверить ответственность, он это знал и был готов к этому. Кроме того, именно он разрабатывал план, именно он подбирал исполнителей, именно он лучше всех знал, как должна была выглядеть целостная картинка, складывающаяся из внешне разрозненных фрагментов мозаики. Следовательно, именно его реакция на гипотетические неожиданности должна была стать самой точной и наиболее адекватной сбивающим факторам...

* * *

Во внешности Аллы Алексеевны Либерман не было ничего семитского, что, в общем-то, и неудивительно: ведь фамилия у женщин — это настолько часто меняющаяся «характеристика», что... Кто его знает, какую фамилию будет носить в следующую встречу та, кого ты помнишь и знаешь по школьной или институтской кличке, образованной от её тогдашней фамилии?

Если бы она ещё и сама это знала...

Когда Алла Пчёлкина по кличке «Алка-Оса» стала Аллой Либерман, многие восприняли это... неадекватно: менять хорошую русскую фамилию на... Либерман?! Но сама Аллочка была счастлива тем, что вышла замуж — «со штампом в паспорте»! — за великого Вольфа Вольфовича, перед которым преклонялась, и всё остальное её просто не волновало! Человек был счастлив — а это главное, ведь даже великий писатель земли русской, мужчина строгих правил Лев Толстой как-то обмолвился: «Кто счастлив — тот прав!».

Правда, после этой своей крылатой фразы он много ещё чего наговорил, окончательно запутав своих многочисленных последователей и исследователей, но тут-то Лев Николаевич был прав стопроцентно: ежели ты счастлив, то ты и прав — этим своим счастьем прав!

Однако реальное счастье Аллы Либерман оказалось несколько отличным от того счастья,

которое виделось ей до замужества, и многое пришлось испытать в семейной жизни умничке-красавичке Аллочке...

Но если к тридцати двум годам представления Аллы Алексеевны о счастье существенно отличались от того, что грезилось ей в годы юности, то внешне Алла Либерман выглядела по-прежнему потрясающе: данные ей Богом красота, грация и стать, делавшие её в годы юности первой среди первых, не исчезли, не растратились, не растворились в прожитых годах.

Наоборот: с помощью дорогостоящих средств, которые она могла себе позволить, эти богатства приумножились, и сейчас в зал роскошного подмосковного ресторана в русском стиле под незамысловатым названием «Заведение Хрипунова» входила настоящая красавица, зрелая, что называется, в соку женщина, облачённая в умопомрачительно дорогой брючный кожаный костюм, надетый на голое тело.

Появление Аллы Алексеевны ожидалось, гостеприимные хозяева, которые, собственно, ради неё и затеяли этот приём на сто с лишним человек, старательно выглядывали дорогую гостью. Приглашение на приём было доставлено в офис концерна «Люпус» лично Максом Белинским, владельцем фирмы, с которой у «Люпуса» намечались взаимовыгодные деловые отношения,

десять дней назад, и тогда же, с благодарностью принимая приглашение, Алла Алексеевна объявила, что «Уважаемый Вольф Вольфович» (она при этом неуловимо-издевательски передразнила почтительнейшую Максову интонацию) пожаловать на приём не смогут, но она сама с удовольствием побывает в гостях у столь симпатичных ей людей...

Сейчас эти «симпатичные ей люди», слегка нервничая, бросились с трёх сторон к дорогой гостье, бурно выражая глубочайшую радость по случаю её своевременного и благополучного прибытия.

Максу Белинскому установление тесных взаимовыгодных контактов с концерном «Люпус» и лично Аллой Алексеевной было жизненно необходимо.

Но, сам того не ведая, он ещё и добросовестно выполнял отведённую ему планом роль: благодаря ему, сегодня вечером Алла Алексеевна Либерман должна была находиться вне дома.

И именно в «Заведении Хрипунова», где её ждали...

Конечно, появление Аллы Алексеевны в зале ресторана было замечено не только хозяевами: абсолютно все присутствующие прекрасно знали, кто такая Алла Либерман (как говорится, мир тесен, а Москва — большая деревня, где все всех

знают...), многие столь же хорошо знали, на что способна эта женщина как в бизнесе, так и в... личностных проявлениях, как сказал бы, напрягши извилины, Игорь Иванович Земко, он же Гарик Зёма, с подачи которого в жизни Аллы Алексеевны наступала чёрная — и ещё какая чёрная! — полоса...

На появление Аллы Алексеевны соответствующим образом отреагировали и те, кто находился в «Заведении Хриипунова» сугубо с целью выполнения своих, весьма специфических, профессиональных обязанностей.

Поэтому естественно, что их реакция также носила сугубо профессиональный характер.

Тот, кому было положено, увидев Аллу Алексеевну, мгновенно извлёк из кармана смокинга мобильный телефон, проделал необходимые манипуляции и коротко бросил в изящную игрушку: «Номер три».

Координатор операции, приняв это сообщение, в свою очередь, соединился с теми, кому предстояло отрабатывать этот элемент операции, и сообщил им этот загадочный номер, после чего в полуподвале одного из коттеджей, расположенных совсем рядом с «Заведением Хрипунова», был найден этот самый «номер три», с которым начал работать соответствующий исполнитель.

В самом же зале ресторана появление Аллы Алексеевны стало сигналом о том, что работа начинается, для молодого человека лет двадцати пяти, поразительно похожего на любимого актёра Аллы Алексеевны Ричарда Гира.

Безупречно одетый молодой человек, благоухающий одеколоном, который, как это было известно из досье, возбуждал Аллу Алексеевну, до этого безучастно стоявший рядом с тоненькой длинноволосой брюнеткой, одетой в дорогое вечернее платье, стал оживлённо и откровенно грубо разговаривать со своей спутницей, в глазах которой появились слёзы.

Грубость молодого человека настолько сильно контрастировала с его внешностью, а девушка была так глубоко оскорблена его поведением, что эта пара неожиданно оказалась в центре более или менее явно выраженного всеобщего внимания: почти все присутствующие сочувственно поглядывали в сторону плачущей девушки.

Алла Алексеевна Либерман видела заплаканное лицо девушки и широкие плечи и спину молодого человека, стоявшего лицом к своей собеседнице. После каких-то, очевидно, особенно обидных для неё слов молодого человека девушка прижала ладони к лицу, как бы стараясь удержать руками слёзы, и с видом побитой собаки беспомощно спросила: «Как ты можешь,

Володя?...»

Она обошла неподвижно стоявшего Володю, который упрямо нагнул голову и скрестил руки на груди, и, по-старушечьи сгорбившись, медленно побрела к выходу.

Оставленный ею Володя какое-то время стоял неподвижно, потом медленно повернулся, чтобы посмотреть вслед уходящей девушке, и Алла Алексеевна увидела искажённое страданием лицо любимого с юности Ричарда Гира, огромные глаза, которые, казалось, обожгли её всю — от кончиков длинных волос до пальцев на ногах...

Володя смотрел сквозь неё, он не замечал ничего и никого вокруг, и Алла Алексеевна Либерман, совершенно неожиданно для себя, стала поправлять обеими руками волосы. Со стороны казалось, что она размахивает руками, как делают люди, стремящиеся привлечь к себе чьё-то внимание...

И мало-помалу страдающий взгляд молодого человека сфокусировался на её изящном, породистом, холёном лице...

* * *

Валентин Бардар вёл «СААБ» настолько профессионально, что сидевшая рядом с ним Светлана не ощущала движения машины. Держа в

правой руке большой букет роз, левую она положила на сильную кисть Валентина, расслабленно лежавшую на переключателе скоростей, нежно лаская эту небольшую по величине, но стальной крепости «лапу» — именно так назвала она руку Валентина в самую первую их встречу: «Ну и лапа у тебя, хоть и маленькая совсем!».

По роду занятий полковник Бардар умел профессионально водить всё, что теоретически могло сдвинуться с места, в том числе и вертолёт, а уж автомобили разных марок были освоены им на уровне если не водителя-аса, то где-то близко к этому — от этого иногда зависела его жизнь...

... Валентин прекрасно знал основной закон дороги: «Нельзя ехать слишком медленно!».

Тем более — «СААБ»!..

Но сейчас он ничего не мог с собой поделаться: дорогая иномарка унизительно медленно ползла по вполне приличному шоссе, и её не «делал» только ленивый...

Он был слишком сильно счастлив, ведь рядом с ним была женщина, которую он, сам того не ведая, искал и ждал всю жизнь.

Поэтому Валентин просто боялся.

Боялся, что счастье сделает его глупо-самоуверенным, что какое-нибудь неловкое движение... Хотя, если разобраться, откуда ему

взяться, этому неловкому движению, если он, Валентин, на мотоцикле может ехать с завязанными глазами?...

... В феврале, когда они только познакомились, Светлана, узнав, где и кем работает человек, которого она полюбила, ничего не сказав, молча заплакала. Валя попробовал было утешить её, но она сквозь слёзы попросила: «Не нужно... Дай мне пореветь маленько...». А выплакавшись, медленно отыскала в большом книжном шкафу какую-то белую книгу, открыла её сразу же на нужной странице и прочитала: «Я не картёжник. Я никогда не рискую. Тем более жизнью».

Она пояснила удивлённо смотревшему на неё Валентину: «Это говорит человек, альпинист, который несколько раз погибал в горах. То есть его хоронили, но он выживал... Ты, Валя, и дальше будешь жить так, как жил до нашей встречи. Ты мужчина, и ты живёшь так, как живёт мужчина, это я понимаю... Только... Теперь ты... не один, Валя... Теперь у тебя нет только своей жизни, как у меня нет только моей, понимаешь? Теперь у нас с тобой жизнь одна, что бы там ни случилось, где бы мы ни жили, с кем бы ты ни был, понимаешь? Вот я сейчас вспомнила: «Сколько угодно рискуй своей жизнью, Не погуби только нашу — одну». Понимаешь, Валя?»...

Ощущая на своей руке руку Светланы, вдыхая

заполнивший салон аромат роз, который странным образом слился с запахом любимой женщины, полковник Баардар вдруг вспомнил эти слова, мольбу, звучащую в родном голосе, и незаметно поёжился...

Чёрт с ним, пусть его обходит кто угодно, даже «запоры», но он будет ехать медленно!

Так, как едет: он отвечает не за себя, а за эту удивительную девушку, которая так сильно верит в него и без которой...

* * *

Александр Владимирович Воеводин тщательно подготовил свою дачу для пребывания на ней Валентина и его девушки. Человек одинокий, он в последнее время с каким-то непонятным самому себе любопытством присматривался к тем, кто не был одиноким.

К, так сказать, парам...

Воеводин женился сразу же после окончания института, прожил в очень несчастливом браке три года, родил сына и благополучно развёлся. Благополучно потому, что к этому времени его жена «нашла себе хорошего человека», как она говорила, делая при этом особый акцент на слове «хорошего» — тем самым подразумевалось, что она от плохого человека уходит к хорошему...

Одним из условий, которые выдвинула жена, был отказ Воеводина от родительских прав на Стаську, которому в момент развода было чуть больше года.

Ирина объясняла это своё требование просто: «Он тебя, Саша, почти не знает, скоро забудет, вот пусть себе и растёт, зная, что его отец- Василий».

Василием звали её нового мужа, того самого «хорошего человека».

Тогда Воеводин был уверен, что бывшая жена права. По-настоящему он так и не успел почувствовать себя отцом, поэтому не ощущал горечи потери и даже гордился тем, что сделал всё, что необходимо для счастья сына. Так сказать, обманывал самого себя, не понимая, что обманывает... Так ведь тоже бывает в жизни, причём бывает гораздо чаще, чем это можно было бы предположить...

Нужно сказать, что последовавшая за разводом одинокая жизнь стала для Воеводина вполне удобной формой существования: женщины в его жизни занимали лишь то место, которое он позволял им занимать — и не более.

Было невыносимо приятно ощущать себя хозяином положения, человеком, диктующим свои условия (особенно после семейной жизни с Ириной...), и постепенно Александр Владимирович привык к такому положению дел, которое, как ему

казалось, устраивало не только его, но и тех женщин, что появлялись в его жизни. А может, они только потому и появлялись, что покорно принимали правила игры, навязанные им всегда выдержанным и корректным Воеводиным?

О сыне Воеводин сначала не думал — и не только потому, что пообещал Ирине вычеркнуть Стаську из своей жизни, просто не до того ему было, ведь жизнь есть жизнь, её круговерть засасывает, тут только успевай поворачиваться!

Долгие годы сына у Воеводина как бы и не было, даже воспоминаний никаких не осталось.

Но после того, как Александру Владимировичу исполнилось сорок пять лет, что-то в его жизни... если сказать переменялось, то это всё-таки будет не совсем верно... Может, что-то изменилось в нём самом, произошла какая-то переоценка каких-то ценностей, если говорить высоким стилем, но Воеводин всё чаще и чаще вспоминал о Стаське, крохе-сыне, так спокойно оставленном им тогда, когда они с женой расстались, «хорошему человеку» Василию — в качестве его, Василия, сына...

К этому времени Воеводин был уже очень хорошо обеспеченным «рантье», денежные вопросы его не волновали, и он начал собирать сведения о жизни Ирины и Стаськи.

В частном сыском агентстве «Заслон»

работали квалифицированные специалисты, поэтому информация была получена быстро и носила исчерпывающий характер: Ирина Андреевна Сычёва, в первом браке Воеводина, скончалась семь лет назад от саркомы лёгких, а Станислав Васильевич Сычёв, её сын от первого брака, осуждённый три года назад к семи годам лишения свободы за участие в разбойном нападении на пенсионера Поликарпова, трагически погиб в исправительно-трудовой колонии, где отбывал наказание...

Эти же профессионалы выяснили, что Станислава Сычёва забил насмерть один из «авторитетов»-малолеток за то, что парень отказался в бане тереть ему мочалкой спину...

Что было делать Воеводину, узнавшему всё то, что он узнал?

Как жить дальше, как забыть то, что когда-то он — вольно или невольно, теперь-то какая разница?! — предал глупую, но по-своему любившую его Ирку и несмышлёныша-сына?

Мстить?

Кому?

Недоумку, зарабатывающему себе «авторитет» на чужой крови?

Или себе — только как же можно отомстить себе самому?...

Именно тогда Александр Владимирович и

начал с болезненным любопытством присматриваться к тому, как живут другие люди, хотя и сам не знал, что хочет увидеть, уж не оправдание ли себе отыскивал в том, что и другие, внешне благополучные, живущие вроде бы достойной жизнью, люди тоже во многом виновны перед другими и собой, что большей частью респектабельность, внешнее благополучие более или менее умело скрывают то, что англичане ёмко называли скелетом в шкафу?

А может, он неосознанно искал по-настоящему счастливых людей, возле которых можно было бы самому слегка отогреться душой, потому что единственное, к чему человек стремится всегда, всю жизнь, независимо от возраста, жизненного опыта, достоинств или недостатков своих — это к счастью?... И если нет своего, то непреодолимо тянет человека хоть у чужого счастья погреться, пусть немного, но отогреть душу — а ведь счастливые люди щедры, они делятся своим душевным теплом, и скольким людям чужое счастье вернуло веру в жизнь и лучшее в этой жизни?

«Нет своего — согрей, чужое счастье»...

Александр Владимирович Воеводин очень хотел, чтобы его ученик Валя Бардар был счастлив, поэтому он постарался приготовить сюрприз к приезду в его дом-дачу Светланы и Валентина. Ему

очень хотелось, чтобы этот сюрприз обрадовал молодых людей (так, несколько старомодно и высокопарно, он называл своих гостей). И хотя сегодня был не самый лёгкий день в жизни «рантье», потому что обязательства есть обязательства, а Александр Владимирович был связан очень жёсткими обязательствами с очень могущественным человеком, и это его безмерно тяготило — но осознание того, что двое молодых, любящих друг друга людей, счастливых людей, окажутся в его доме и порадуются тому, что он для них приготовил, поднимало ему настроение, делало предстоящее объяснение с человеком, вцепившимся в него мёртвой хваткой и смертельно ему надоевшим, относительно приемлемым.

«Ладно, чего там, не впервой, — подумал он, готовясь выходить из дому и в последний раз оглядывая свой «сюрприз». — Жаль только, что всё это не в последний раз — эта пытка...»

* * *

Алла Алексеевна Либерман не могла спокойно слышать, когда к кому-нибудь обращаются по имени «Володя». Потому что именно так она звала своего мужа — Вольфа Вольфовича Либермана, и это было «их» имя, предназначавшееся только для них двоих.

«Чьё-то заслышав «Володя!», Как ты оглянешься вдруг...» — цитировал Вольф Вольфович поэта Владимира Соколова и снисходительно поглядывал на жену умными и злыми, беспощадными глазами.

Молодой человек с внешностью Ричарда Гири и именем Володя на самом деле звался Эдуардом, но сегодня он стал Володей для того, чтобы Алла Алексеевна гарантированно обратила на него внимание: сочетание внешности и имени не оставляло ей шансов не заметить мужчину, который давно уже зарабатывал себе на очень приличную, если не сказать роскошную, жизнь тем, что щедро делился с дамами своей нежностью, обеспеченной весьма специфическими умениями и навыками.

Говоря проще, Эдуард-Володя был одним из расплодившихся в последнее время самцов, которые оказывают секс-услуги тем из дам, кто в этих услугах нуждается и может себе позволить оплатить их.

Его отыскивали неделю назад, убедившись, что он и в самом деле поразительно похож на любимого актёра Аллы Алексеевны Либерман.

С ним серьёзно и долго говорил очень серьёзный человек, после чего Эдуард поступил в распоряжение психологов, которые буквально запрограммировали молодого человека на выполнение определённого задания, детальнейшим

образом разъяснив, что, когда и как ему необходимо делать.

В течение недельной подготовки «Володя» неоднократно репетировал со своей напарницей, имени которой ему не сообщили, сцену оскорбления, после которой должно было состояться знакомство молодого человека в расстроенных чувствах и Аллы Алексеевны, так что здесь всё было отработано идеальнейшим образом.

Всё получилось так, как и должно было получиться, и вот уже Алла Алексеевна, ноздри которой, помимо её воли, плотоядно раздувались, с деланным сочувствием слушала расстроенного молодого человека, соображая, как бы поскорее можно было утащить его из «Заведения Хрипунова» в гораздо более подходящее для осуществления её, Аллы Алексеевны, планов «заведение».

Конечно, можно было уединиться и прямо здесь, в одном из отдельных кабинетов (ресторан был снят Максом Белинским на всю ночь), но Алла Алексеевна совсем потеряла голову, ей хотелось «съесть», как она определяла такое своё состояние, этого красавчика с такими бездонными глазами и такой беспомощной белозубой улыбкой...

«Володя» получил чёткие инструкции: в течение по меньшей мере сорока пяти минут, до получения специального сигнала, он должен

находиться в зале «Заведения Хрипунова», после чего нужно уводить оттуда Аллу Алексеевну и ехать с ней на её машине в специально снятый коттедж. Этот коттедж находился в пяти минутах езды от дачного посёлка, в котором проживала бизнес-леди, и обстоятельство это было одним из важнейших моментов плана, разработанного многоопытным ответственным исполнителем.

Оказавшись в коттедже, «Володя» должен был приступить к исполнению своих прямых обязанностей, причём делать это он должен был так, чтобы у Аллы Алексеевны не возникло желания покинуть гостеприимный кров как минимум несколько часов.

Лучше всего будет, если она уедет из коттеджа только утром...

К двадцати шести годам «Володя» обслужил огромное количество женщин (он был ранней пташкой, начав ещё со школы, где его жертвами становились молодые и не очень учительницы, затюканные жизнью падагогини, которые с ума сходили от «очаровательного мальчика» и экзальтированно выражали своё умиление...), к своей профессии он относился добросовестно, а люди, которые с ним работали, произвели на него сильное и однозначное впечатление: с такими лучше не спорить!

Поэтому он предельно точно отработывал

полученные инструкции.

Заметив пристальный взгляд, обращённый в его сторону хорошо ему знакомым крепким мужчиной, «Володя» смущённо посмотрел на покрасневшую Аллу Алексеевну и нерешительно произнёс: «Вы не находите, что здесь как-то... слишком душно?».

И хотя в зале «Заведения Хрипунова» работали отличные японские кондиционеры, Алла Алексеевна поспешила согласиться с собеседником...

Но «Володя», как ему и было приказано, старательно и весьма убедительно изображал молодого, обеспеченного человека, которого немалые финансовые возможности не излечили от чувствительности и неловкости в отношениях с женщинами. В конце концов, он только что некрасиво расстался с девушкой, с которой появился на вечере, он переживает это расставание, ему просто неудобно проявлять инициативу...

Но ему, было написано у него на лице, уже очень хотелось, чтобы очаровательная новая знакомая... проявила участие и внимание!

Очень хотелось...

«Володя» сыграл безупречно, и Алла Алексеевна почувствовала то, что и должна была почувствовать: она необходима этому красавцу, он хочет быть с ней — а дальше уже только от неё

самой зависит, какими будут их отношения, потому что мальчик «спёкся» и готов на всё...

— Вот что, Володенька, — чуть резче, чем ей самой хотелось бы (нетерпение, что тут поделаешь...) сказала Алла Алексеевна, — я сейчас быстренько попрощаюсь с нашими гостеприимными хозяевами, поблагодарю их за чудесный вечер, — она многозначительно выделила голосом последние слова, — а вы пока что подождите меня на улице, там не так душно. Моя машина — красный «Порше»...

— Алла Алексеевна, — мягко, но очень решительно начал «Володя», но договорить ему она не позволила.

— Алла... Мне хочется, чтобы вы звали меня Аллой...

— Алла... — «Володя» как бы пробовал на вкус это имя, и Алла Алексеевна чуть не вскрикнула: ей почудилось, что эти белоснежные крупные зубы нежно покусывают её мгновенно окаменевшие, натянувшие тонкую кожу костюма соски...

От того, как им голосом «Володя» произнёс её имя, Аллу Алексеевну бросило в жар.

— Алла, — молодой человек продолжал по-прежнему мягко, но по-прежнему решительно. — Не нужно мной командовать! Не делайте этого, — помолчав, попросил он. —

Машина есть и у меня, конечно, это не «Порш» (он сказал именно так), но есть...

— Володенька, — голос женщины был извиняющимся, — простите, но ведь я не хотела вас обидеть, у меня и в мыслях такого не было! Очень вас прошу: подождите, пожалуйста, меня возле моей машины...

«Володя» стоял, беспомощно опустив голову, и смотрел себе под ноги, и эта беспомощность, подсказанная ему, буквально навязанная психологами, окончательно обезоружила Аллу Алексеевну Либерман — теперь она, сама того не ведая, не могла не идти за этим Крысоловом без дудочки туда, куда ему бы заблагорассудилось её повести.

— Володенька, — умоляюще сказала превратившаяся в обыкновенную бабу бизнес-леди. — Володенька...

Молодой человек поднял голову и посмотрел на неё своими огромными глазами, в которых она прочла облегчение, желание и радость.

И этот взгляд сделал Аллу Алексеевну счастливой...

* * *

Дачный посёлок, в котором располагалась дача Александра Владимировича Воеводина,

охранялся так, как и должно было охраняться место, где живут люди, вообще не привыкшие экономить, а тем более — экономить на обеспечении собственной безопасности.

Поэтому попасть туда было очень даже и непросто.

Въезд на территорию посёлка осуществлялся через два КПП, на которых великолепно знали всех обитателей посёлка, марки и номера их автомобилей, даже их особые привычки.

Поэтому, к примеру, если бы кто-то хотел въехать на территорию в автомобиле, допустим, того же Воеводина, бдительная охрана этому воспрепятствовала бы, поскольку автомобиль автомобилем, а человек человеком...

Если же гости прибывали к кому-нибудь из обитателей, то охрана придирчиво выясняла «где-с кем-сколько-чего-зачем-почему», после чего следовал звонок домой к упомянутому адресату, и лишь потом, в случае подтверждения желательности визита, можно было ехать. Естественно, что время визита, номер транспортного средства и анкетные данные тех, кто в нём находился, аккуратно заносились в компьютер.

Попасть же в посёлок, минуя КПП, было практически невозможно: забор, окружающий территорию «дачного кооператива», как по

документам называлось всё то, что было настроено «новыми» дачниками, имел четыре метра в высоту и был оснащён специальной системой видеонаблюдения. Разве что тот, кто вознамерился бы его преодолеть, позаимствовал бы для этого у небезызвестного Карлсона его штанишки с моторчиком, которые и обеспечили бы ему возможность полётов наяву...

Учитывая «режимный характер» объекта, Александр Владимирович Воеводин заранее выяснил у Валентина, что тот прибудет на автомобиле марки «СААБ» с госномером таким-то, и что пассажиркой машины будет гражданка государства Украина Светлана Алексеенко, двадцати четырёх лет от роду.

Все эти данные были представлены им на КПИ с пояснением, что вышеназванные персоны имеют полное право находиться на его, Воеводина, даче, поскольку лично приглашены им.

Сам же Александр Владимирович, которому, как нам известно, в этот вечер предстояло очень неприятное, но крайне необходимое объяснение с крайне могущественным, но очень неприятным человеком, убрался из своих владений заблаговременно, не желая своим присутствием стеснять молодых людей, которые впервые окажутся вместе «в лесу»...

Он полагал, что сегодня Валентину и

Светлане вполне хватит того сюрприза, который он им приготовил, а навестить их он планировал завтра, во второй половине дня, предварительно сообщив об этом своём намерении своему бывшему ученику — чтобы не стать снегом на голову для людей, которые слишком долго — целый месяц! — не могли общаться по-другому, кроме как с помощью телефона.

Вот почему дача Александра Владимировича, ожидавшая приезда гостей имела сейчас абсолютно нежилой вид — и ничто не предвещало того, что при появлении этих долгожданных гостей в холле должен был зажечься свет. Зажечься самостоятельно, без каких-либо действий со стороны вошедших, что само по себе уже было сюрпризом — после чего и должен был явиться собственно «сюрприз», самолично подготовленный Александром Владимировичем, большим любителем и незаурядным умельцем по части различных технических приспособлений...

Всё было подготовлено наилучшим образом, и гости Воеводина должны были остаться довольны встречей с его домом.

* * *

Избитое лицо обнажённой женщины, которую грубо швырнул на пол звероватого вида мужчина

средних лет, напоминало кровавую маску: супруг избивал её руками, униженными разнокалиберными перстнями, и эти варварские украшения рвали нежную кожу когда-то, несомненно, если не красивого, то милого лица, на которое сейчас было страшно смотреть.

— Говори, сука! — рычал супруг, средней руки (по московским меркам) бизнесмен с большими амбициями, тыча в лицо обезумевшей от боли, страха и унижения женщины пачкой цветных фотографий большого формата. — Говори, тварь, кто это?!

На профессионально, качественно сделанных фотографиях были запечатлены женщина, которую сейчас можно было узнать только по пышным белым волосам, и похожий на Ричарда Гира «Володя», которые были заняты... совокуплением, причём, если судить по фотографиям, это занятие доставляло даме огромное удовольствие, и в выражении своих чувств она не стеснялась...

— Как со мной, так целку корчить, а у этого х...? — бушевал мужчина, поднося к полуприкрытым глазам жены наиболее откровенные фотографии, — Смотри, скотина! — мясистая рука впечаталась в лицо женщины. — Смотри, я сказал!

Эти фотографии были доставлены ему в офис буквально час назад, и он, прервав позднее

совещание, которое предполагалось завершить в сауне, ринулся домой: душа требовала, чтобы эта «шавка», которую он вытащил из нищеты, немедленно получила всё, что она должна была получить.

Немедленно!

Безжалостно избивая жену, топча её ногами и в прямом смысле разрывая на части тело, он стремился узнать одно-единственное: кто он?!

Кто он такой и где его искать — вот что сейчас интересовало обманутого мужа больше всего на свете, потому что возле дома на Кутузовском проспекте, где он жил и где происходила экзекуция, стоял хищный «Опель-Фронтера», и в нём сидели четыре «быка», ждавшие от хозяина адрес, по которому им следовало выехать.

— Сейчас ты мне скажешь, кто это, как его зовут и где его можно найти, — тихо и спокойно сказал мужчина, и это его спокойствие испугало женщину так, что она стала часто-часто икать. — Говори...

Женщина торопливо назвала адрес квартиры Эдуарда, куда она не раз приезжала, и номера телефона и мобильного, которые супруг аккуратно записал, не особенно полагаясь на свою память.

— Жди! — приказал он ей и быстро вышел из квартиры.